

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РЕШЕНИЕ

именем Латвийской Республики

по делу № 2014-02-01

Рига, 13 июня 2014 года

Конституционный суд Латвийской Республики в следующем составе: председатель судебного заседания Алдис Лавиньш, судьи Каспарс Балодис, Кристине Крума, Гунарс Кусиньш, Улдис Кинис и Санита Осипова,

в связи с конституционной жалобой Светланы Овчинниковой,

на основании статьи 85 Конституции Латвийской Республики и пункта 1 статьи 16, пункта 11 части первой статьи 17, статей 19² и 28¹ Закона о Конституционном суде,

в письменном процессе на заседании 28 мая 2014 года рассмотрел дело

«О соответствии пункта 4 статьи 17 Закона о гарантии вкладов первому предложению статьи 91 Конституции Латвийской Республики».

Констатирующая часть

1. Закон о гарантии вкладов физических лиц, принятый в Саэйме 21 мая 1998 года, вступил в силу 1 октября 1998 года. Пункт 2 части первой статьи 17 этого закона предусматривал, что гарантированная компенсация не выплачивается за вклады членов совета и правления, управляющих директоров и членов ревизионной комиссии банка.

Законом от 11 октября 2001 года «Поправки к Закону о гарантии вкладов физических лиц» статья 17 Закона о гарантии вкладов физических лиц была изложена в новой редакции, и из нее было исключено регулирование в

отношении вкладов члена правления банка. Упомянутыми поправками также было в новой редакции изложено название закона, и в дальнейшем закон назывался Законом о гарантии вкладов.

В свою очередь, законом от 4 июня 2009 года «Поправки к Закону о гарантии вкладов» пункт 4 статьи 17 был изложен в новой редакции, предусматривающей, что гарантированная компенсация не выплачивается за вклады, сделанные акционерами депозитного учреждения, имеющими существенную долю участия в депозитном учреждении, председателем и членами совета и правления депозитного учреждения, руководителем службы внутреннего аудита, контролером общества и другими сотрудниками депозитного учреждения, которые планируют деятельность депозитного учреждения, руководят этой деятельностью, контролируют и отвечают за нее.

Пункт 4 статьи 17 Закона о гарантии вкладов (далее – оспариваемая норма) более не подвергался изменениям и по-прежнему действует в редакции закона от 4 июня 2009 года.

2. Светлана Овчинникова (далее – Заявитель) в конституционной жалобе указывает, что она до 21 ноября 2011 года занимала в акционерном обществе Latvijas Krājbanka (далее – банк Krājbanka) должность члена правления. В банке Krājbanka Заявитель также имела вклады в размере нескольких десятков тысяч евро. После того, как Комиссия рынка финансов и капитала (далее – Комиссия) приняла решение о наступлении в банке Krājbanka недоступности вкладов и частичной выплате гарантированных компенсаций его вкладчикам, Заявитель обратилась в Комиссию с просьбой о выплате ей гарантированной компенсации. Однако Комиссия на основании оспариваемой нормы отказала Заявителю в выплате гарантированной компенсации. Это решение Комиссии было обжаловано в административном суде, который признал его правомерным.

Заявитель указывает, что выплата гарантированной компенсации предусмотрена для всех вкладчиков в размере, установленном частью первой

статьи 3 Закона о гарантии вкладов. Таким образом, лица, у которых на момент наступления недоступности вкладов имеются вклады в кредитном учреждении, находятся в одинаковых и сопоставимых условиях. В свою очередь, пункт 4 статьи 17 того же закона предусматривает различное отношение к упомянутым лицам, т. к. гарантированная компенсация не выплачивается членам правления депозитного учреждения.

Различное отношение, предусмотренное оспариваемой нормой, имеет легитимную цель – создать неблагоприятные имущественные последствия для лиц, поспособствовавших наступлению недоступности вкладов. Таким образом члены правления кредитного учреждения удерживаются от совершения действий, которые могут неблагоприятно повлиять на платежеспособность кредитного учреждения.

Однако, по мнению Заявителя, упомянутое различное отношение не является соразмерным, так как используемые законодателем средства не подходят для достижения легитимной цели. Имеется в виду, что нормативные акты не обязывают члена правления кредитного учреждения вложить все свои финансовые средства в кредитное учреждение, в котором он исполняет должностные обязанности члена правления. Таким образом, в случае, если бы член правления разместил вклады в другом кредитном учреждении, он бы не утратил права свободно ими распоряжаться. Кроме того, есть достаточно оснований полагать, что если бы члену правления кредитного учреждения было известно об обстоятельствах, могущих угрожать платежеспособности этого кредитного учреждения, он передал бы свои вклады другому депозитному учреждению. Так как член правления не обязан вкладывать все свои финансовые средства в кредитное учреждение, в котором он занимает соответствующую должность, оспариваемая норма не может служить средством достижения легитимной цели.

Кроме того, легитимной цели различного отношения, предусмотренного оспариваемой нормой, можно достигнуть при помощи средств, в меньшей степени ограничивающих права лица. Оспариваемая норма не дифференцирует

неблагоприятные последствия в зависимости от степени вины и личной ответственности каждого члена правления. Таким образом, неблагоприятные последствия этой нормы в равной степени затрагивают как тех членов правления, которые своими действиями способствовали наступлению недоступности вкладов, так и тех, которые отвечают за вопросы деятельности кредитного учреждения, напрямую не касающиеся доступности вкладов. Легитимной цели можно достигнуть, дифференцируя выплату гарантированной компенсации в зависимости от степени вины каждого члена правления, констатированной вступившим в силу судебным постановлением по уголовному делу. Такое распределение ответственности в зависимости от степени вины члена правления не позволяло бы получать гарантированную компенсацию лицам, в результате бездействия которых не было обеспечено правильное управление кредитным учреждением.

Заявитель считает, что польза, которую от оспариваемой нормы получает общество, невелика и проявляется в финансовой стабильности, а также в доверии к кредитным учреждениям. Однако в случае, когда член правления не осуществлял противоправных или халатных действий, вообще нельзя констатировать никакой пользы для общества от того, что этому лицу будет отказано в гарантированной компенсации.

3. Орган, издавший оспариваемый акт, – Сазэйма – считает, что оспариваемая норма соответствует первому предложению статьи 91 Конституции Латвийской Республики (далее – Конституция).

Оспариваемая норма включена в Закон о гарантии вкладов законом от 4 июня 2009 года «Поправки к Закону о гарантии вкладов». Законопроект в Сазэйму был подан Кабинетом министров, и в аннотации к нему упомянуто, что соответствующие поправки необходимы, чтобы уточнить процедуру выплаты вкладчикам гарантированной компенсации. В аннотации также указывается на директиву Европейского парламента и Совета 94/19/ЕК от 30 мая 1994 года о системах гарантии вкладов (далее – Директива 94/19/ЕК), которая допускает

принятие такого правового регулирования, какое содержится в оспариваемой норме. Несмотря на то, что оспариваемая норма в силе с 20 июня 2009 года, регулирование схожего содержания уже было включено в первоначальную редакцию пункта 2 части первой статьи 17 Закона о гарантии вкладов физических лиц, которая действовала до 1 января 2003 года.

В статье 17 Закона о гарантии вкладов определены исключительные случаи, в которых гарантированная компенсация не выплачивается. Таким образом, Сазйма согласна с Заявителем в том, что все лица, имеющие вклады в кредитном учреждении, находятся в одинаковых и сопоставимых по определенным критериям условиях.

Сазйма также признает, что оспариваемая норма предусматривает иное отношение к членам правления кредитного учреждения, имеющим вклады в соответствующем кредитном учреждении, по сравнению с другими вкладчиками. Однако такое различное отношение имеет легитимную цель и разумное основание.

Легитимная цель предусмотренного оспариваемой нормой различного отношения – превентивно удержать членов правления кредитного учреждения от совершения действий, неблагоприятно влияющих на платежеспособность кредитного учреждения. Таким образом, упомянутые ограничения установлены ради достижения легитимной цели – чтобы защитить благосостояние общества и права других людей.

Предусмотренное в оспариваемой норме регулирование пригодно для достижения легитимной цели, так как член правления как доверенное лицо банка должен способствовать реализации экономических интересов соответствующего кредитного учреждения. Таким образом, члены правления должны быть преданы интересам кредитного учреждения, и каждый из них должен исполнять свои обязанности как добросовестный и рачительный хозяин.

Неплатежеспособность депозитного учреждения в большой мере следует связывать с деятельностью членов его правления. Если наступила

неплатежеспособность депозитного учреждения, то, вероятнее всего, члены его правления не исполняли свои обязанности как добросовестные и рачительные хозяева.

Легитимной цели различного отношения, предусмотренного оспариваемой нормой, невозможно достигнуть иными, в меньшей степени ограничивающими права лица средствами. Оспариваемая норма также обеспечивает то, что польза, получаемая обществом, будет превосходить ущерб, наносимый правам отдельного лица.

Член правления является доверенным лицом участников общества, и этому лицу доверено управление чужим имуществом. Задача исполнять обязанности так, как надлежит добросовестному и рачительному хозяину, означает, что члены правления несут ответственность за любой случай невнимательности. То, что наступила недоступность вкладов, означает, что члены правления депозитного учреждения не выполняли свои должностные обязанности надлежащим образом. В таком случае было бы несправедливо, если бы личные вклады членов правления были защищены так же, как вклады любого другого вкладчика.

Деятельность кредитных учреждений связана с коммерческим риском, и может случиться, что кредитное учреждение окажется в затруднительном финансовом положении или более не сможет выполнять свои обязательства. В сфере кредитных учреждений необходимо считаться с возможностью такого риска коммерческой деятельности. Именно члены правления депозитного учреждения в силу своих специфических знаний и профессионального опыта обязаны осознавать риски кредитных учреждений и обращать большее внимание на то, как они распоряжаются своими финансовыми средствами.

4. Приглашенное лицо – Комиссия рынка финансов и капитала – указывает, что оспариваемая норма соответствует первому предложению статьи 91 Конституции. Законодатель, внедряя схему гарантии вкладов, уже изначально в законе определил, что вклады, сделанные членами правления

кредитного учреждения, не гарантируются. Директива 94/19/ЕК также предусматривает свободу действий государства-члена при определении лиц, к которым не относится гарантия вкладов. Оспариваемая норма заставляет должностных лиц, управляющих кредитным учреждением, быть более осмотрительными в управлении кредитным учреждением и в принятии решений, а также удерживает их от решений, которые могут неблагоприятно сказаться на деятельности кредитного учреждения.

Коммерческий закон предусматривает обязанность члена правления общества осуществлять функции управления обществом. Если соответствующее лицо по каким-либо причинам не имеет возможности осуществлять упомянутые функции, оно обязано уйти в отставку, независимо от того, каковы эти причины. Член правления не может оправдывать свои действия аргументом, что в правление он был избран исключительно «для вида» и функцию управления по сути не осуществлял. Коммерческий закон определяет, что члены правления руководят обществом совместно.

Комиссия указывает, что в кредитном учреждении допустимо разделение компетенции между членами его правления. Однако отдельная компетенция не освобождает членов правления от обязанности надзора: если член правления осуществлял недостаточный надзор за деятельностью других членов правления, он в любом случае должен быть готов нести за это ответственность. Таким образом, утверждение Заявителя, что член правления не во всех случаях ответствен за наступление неплатежеспособности кредитного учреждения, является необоснованным.

В дополнение к общим обязанностям по управлению кредитным учреждением как коммерческим обществом, Закон о кредитных учреждениях возлагает на правление кредитного учреждения обязанность по управлению предусмотренными в нормативных актах рисками, связанными с деятельностью кредитного учреждения. Эта обязанность охватывает несколько действий, например, принятие решений в отношении кредитования лиц, связанных с конкретным кредитным учреждением, сообщение о всех

обстоятельствах, могущих в дальнейшем значительно повлиять на стабильность управления кредитным учреждением и на соответствие этого управления нормативным актам.

Комиссия обращает внимание Конституционного суда на то, что в компетенции Заявителя как члена правления банка Krājbanka находился непосредственно бухгалтерский учет банка. В свою очередь, одной из причин, по которым Комиссия приняла решение приостановить деятельность правления банка Krājbanka, являлась подача Комиссии заведомо вводящих в заблуждение финансовых отчетов. Таким образом, утверждение Заявителя, что она своими действиями не могла способствовать наступлению недоступности вкладов, неправдоподобно. Сомневаться относительно упомянутого утверждения заставляет также тот факт, что в рамках уголовного процесса к Заявителю был применен статус подозреваемой и на ее вклады в банке Krājbanka был наложен арест.

5. Приглашенное лицо – Омбудсмен Латвийской Республики (далее – Омбудсмен) – считает, что оспариваемая норма не противоречит первому предложению статьи 91 Конституции.

В рассматриваемом деле в одинаковых и сопоставимых условиях находятся все лица, которые имели вклады в кредитном учреждении на момент наступления недоступности вкладов. Так как Заявитель до приостановки деятельности банка Krājbanka имела вклады в этом кредитном учреждении, ее можно сравнивать с другими вкладчиками банка Krājbanka. В свою очередь, создаваемое оспариваемой нормой различное отношение проявляется таким образом, что Заявитель не имеет права на получение гарантированной компенсации за свои вклады. Иными словами, право Заявителя на гарантированную компенсацию ограничено, так как Заявитель является членом правления депозитного учреждения.

Однако различное отношение, создаваемое оспариваемой нормой, имеет легитимную цель и является соразмерным. Легитимная цель оспариваемой

нормы – превентивно удерживать членов правления кредитного учреждения от совершения действий, которые могут неблагоприятно сказаться на платежеспособности кредитного учреждения. В свою очередь, неплатежеспособность конкретного кредитного учреждения может поставить под угрозу финансовую стабильность государства. В связи с этим можно заключить, что оспариваемая норма была принята с намерением защитить благосостояние общества и права других людей.

Установленное законодателем ограничение права члена правления на получение гарантированной компенсации можно признать подходящим средством для того, чтобы заставить каждого члена правления с особой ответственностью относиться к вкладам соответствующего депозитного учреждения. Оспариваемая норма укрепляет ответственность членов правления и обеспечивает стабильность государственной финансовой системы.

Омбудсмен указывает, что предложенное Заявителем более щадящее средство не подходит для достижения легитимной цели. Имеется в виду, что констатированная уголовная ответственность члена правления за наступление недоступности вкладов в соответствующем депозитном учреждении не замещает его гражданско-правовой ответственности, и не в каждом случае, когда наступает ответственность члена правления за нанесенные кредитному учреждению убытки, можно будет констатировать также признаки преступного деяния.

Кроме прочего, польза, которую от существования оспариваемой нормы получает общество, превосходит наносимый лицу ущерб. В правовом государстве немислима ситуация, в которой вкладчик, принимавший участие в планировании деятельности депозитного учреждения, в руководстве этой деятельностью и контроле за ней и прямо или косвенно способствовавший наступлению недоступности вкладов, может потребовать для себя такую же правовую защиту, как любой другой вкладчик. Такое решение могло бы увеличить риск неплатежеспособности кредитных учреждений и поставить под угрозу право других вкладчиков на доступность их вкладов.

6. Приглашенное лицо – **присяжный адвокат M. iur. (Oxon) Рудолфс Энгелис** – указывает, что члены правления кредитного учреждения достаточно эффективно могут себя оградить от риска недоступности вкладов и не нуждаются в особой правовой защите в случае недоступности вкладов. Цель правового регулирования, содержащегося в оспариваемой норме, нельзя однозначно считать направленной на наказание члена правления кредитного учреждения. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что законодатель позволяет члену правления кредитного учреждения вкладывать свои финансовые средства в любое кредитное учреждение. Будет обоснованным считать, что законодатель, приняв оспариваемую норму, сделал выбор в пользу того, чтобы не предоставлять защиту тем вкладчикам, которые, пользуясь своими способностями и компетенцией в финансовой сфере, сами могут себя уберечь.

Обязанности и ответственность членов правления кредитного учреждения в основном регулируются Коммерческим законом. Установленную в первой части статьи 169 упомянутого закона обязанность «добросовестного и рачительного хозяина» в полной мере можно отнести также к члену правления кредитного учреждения, и несоблюдение этой обязанности может вызвать гражданско-правовую ответственность. В свою очередь, то, каким образом упомянутое понятие наполняется конкретным содержанием, обусловлено особенностями деятельности кредитных учреждений. Кредитное учреждение распоряжается доверенными ему финансовыми средствами, т. е. депозитами своих клиентов. В связи с этим к членам правления кредитного учреждения предъявляются более высокие требования по выполнению обязанности «добросовестного и рачительного хозяина» по сравнению, например, с требованиями, предъявляемыми к членам правления коммерческого общества, не подлежащего надзору за финансовым рынком.

В основе деятельности кредитного учреждения лежит уверенность общества в финансовой надежности этого учреждения и его способности выполнять свои обязательства. Поэтому для каждого члена правления кредитного учреждения платежеспособность этого кредитного учреждения является самой главной задачей и целью деятельности. В крупных коммерческих обществах, в том числе в большей части банков, каждый член правления не может быть полностью вовлечен в решение всех повседневных вопросов. Для того, чтобы деятельность такого коммерческого общества и управление им были эффективны, члены правления могут распределить между собой требующие регулирования вопросы управления. Однако и в этом случае право члена правления не вмешиваться в «сферу компетенции» другого члена правления и не быть информированным о других делах управления обществом является очень ограниченным. Любая подобная ситуация может привести к тому, что индивидуально член правления не будет действовать как добросовестный и рачительный хозяин.

Невозможно исключить ситуацию, когда недоступность вкладов возникает по причине обстоятельств, которые ни один член правления не мог объективно предвидеть и негативные последствия которых неотвратимы даже после принятия всех разумных мер безопасности и предосторожности. Однако вероятность наступления таких обстоятельств очень мала, и такие обстоятельства по сути приравниваются к обстоятельствам непреодолимой силы.

7. Приглашенное лицо – Ассоциация коммерческих банков Латвии (далее – Ассоциация) – указывает, что неплатежеспособность кредитного учреждения существенно угрожает общей финансовой стабильности государства. В свою очередь, оспариваемая норма может превентивно удержать членов правления кредитного учреждения от действий, которые, возможно, неблагоприятно повлияют на платежеспособность кредитного учреждения. Согласно Коммерческому закону, коммерческим обществом

управляет правление. Если управление коммерческим обществом не было успешным, правление несет за это совместную ответственность, независимо от индивидуальной степени вины каждого члена правления.

Определенные в Коммерческом законе полномочия правления предполагают, например, обязанность правления отвечать за то, чтобы бухгалтерские документы велись в соответствии с требованиями закона, а управление имуществом и финансовыми средствами общества осуществлялось надлежащим образом. Если создаются препятствия, мешающие члену правления выполнять свои обязанности или реализовывать свои полномочия, член правления может обратиться к надзорному органу – Комиссии – и информировать его о том, что он не может полноценно исполнять свои обязанности.

Коммерческий закон предусматривает солидарную ответственность членов правления за убытки, которые они причинили обществу. Это означает, что все члены правления ответственны за такие последствия независимо от того, каким образом среди них распределялись обязанности. Оспариваемая норма не относится к ответственности члена правления за убытки, однако убытки у кредитного учреждения возникают также в результате недоступности вкладов. Оспариваемая норма не предусматривает ответственность правления за конкретные убытки, но предусматривает другие негативные последствия для всех членов правления, а именно – лишает их права на получение гарантированной компенсации.

8. Администратор неплатежеспособного банка Krājbanka – общество с ограниченной ответственностью KPMG Baltics SIA (далее – Администратор) – указывает, что Заявитель была назначена членом правления банка Krājbanka 19 июня 2006 года и пребывала в этом статусе до 21 ноября 2011 года, когда Комиссия приостановила деятельность правления банка Krājbanka. В свою очередь, право Заявителя на возврат вложенных в банк

Кгājбанка финансовых средств регулируется общим порядком удовлетворения требований кредиторов.

Совет банка Кгājбанка утвердил сферы специальной ответственности каждого члена правления, но одновременно в распределении обязанностей подчеркнуты также общие обязанности правления, например, обязанность управлять банком, быть осведомленными о всех делах кредитного учреждения, отвечать за всю хозяйственную деятельность банка, обеспечивать создание, функционирование и совершенствование системы внутреннего контроля банка. Таким образом, утверждение Заявителя, что она не имела необходимых полномочий для того, чтобы не допустить наступления неплатежеспособности банка Кгājбанка, является необоснованным.

По мнению Администратора, описанные в конституционной жалобе альтернативные средства достижения легитимной цели ограничения основных прав непригодны, так как цель Закона о гарантии вкладов – как можно быстрее выплатить гарантированную компенсацию. Таким образом, содержащееся в оспариваемой норме регулирование можно считать разумным и обоснованным.

К Заявителю как к бывшему члену правления банка Кгājбанка предъявлен иск о взыскании убытков и признании договоров залога недействительными, так как упомянутые сделки были заключены без какого-либо правового и экономического обоснования. Заключение этих сделок явилось одной из главных причин наступления неплатежеспособности банка Кгājбанка.

Часть выводов

9. Оспариваемая норма относится к нескольким группам лиц, которым в случае недоступности вкладов не выплачивается гарантированная компенсация из фонда гарантии вкладов. Иными словами, оспариваемая норма относится к вкладам, которые сделаны акционерами депозитного учреждения,

председателем или членами его совета или правления, руководителем службы внутреннего аудита, контролером общества и другими сотрудниками депозитного учреждения, которые осуществляют планирование деятельности депозитного учреждения, руководство этой деятельностью и контроль за ней.

При рассмотрении дела, возбужденного по конституционной жалобе, Конституционному суду необходимо принимать во внимание требования Закона о Конституционном суде и оценивать ситуацию в той мере, в какой это необходимо для защиты основных прав подателя конституционной жалобы. Одновременно суду необходимо соблюдать принцип равенства и оценивать ситуацию всех лиц, находящихся с подателем конституционной жалобы в одинаковых и сопоставимых условиях. Если норма, оспариваемая в конституционной жалобе, относится к широкой совокупности различных ситуаций, Конституционному суду необходимо уточнить, в какой мере он будет оценивать оспариваемую норму (*см., например, пункт 6 решения Конституционного суда от 28 мая 2009 года по делу № 2008-47-01 и пункт 11 решения Конституционного суда от 24 октября 2013 года по делу № 2012-23-01*).

Таким образом, в рассматриваемом деле также необходимо уточнить, в каком объеме и в отношении каких лиц подлежит оценке соответствие оспариваемой нормы положениям Конституции.

Заявитель была назначена членом правления банка Krājbanka 19 июня 2006 года и пребывала в этой должности до 21 ноября 2011 года, когда Комиссия приостановила деятельность правления банка Krājbanka (*см. письмо Администратора № 06-3-2/341 от 17 апреля 2014 года и мнение Комиссии, стр. 118 и 136 материалов дела*). Заявитель, оспаривая решение Комиссии, которым ей было отказано в выплате гарантированной компенсации за ее вклады, в административный суд также обратилась как бывший член правления банка Krājbanka (*см. решение Административного окружного суда от 5 апреля 2013 года по делу № A43010412 и решение Департамента по*

административным делам Сената Верховного суда от 11 ноября 2012 года по делу № SKA – 640/2013, стр. 31–37 и 46–54 материалов дела).

Из упомянутого можно заключить, что оспариваемая норма применима к Заявителю как к лицу, занимавшему в кредитном учреждении должность члена правления. В свою очередь, правление кредитного учреждения является исполнительным органом этого учреждения, который управляет коммерческим обществом и представляет его.

Таким образом, соответствие оспариваемой нормы первому предложению статьи 91 Конституции Конституционный суд будет оценивать в той мере, в какой эта норма относится к вкладам, которые член правления кредитного учреждения разместил в этом кредитном учреждении.

10. Первое предложение статьи 91 Конституции гласит: «Все люди в Латвии равны перед законом и судом».

Принцип равенства, закрепленный первым предложением статьи 91 Конституции, должен гарантировать существование единого правового порядка. Иными словами, задача этого принципа – обеспечивать реализацию такого требования правового государства, как всеобъемлющее влияние законов на всех лиц, и применение закона без каких-либо привилегий. Этот принцип также гарантирует совершенное воздействие закона, объективность и беспристрастность его применения, а также то, что никому не будет позволено не соблюдать предписания закона (*см. пункт 9.1 решения Конституционного суда от 14 сентября 2005 года по делу № 2005-02-0106*). Однако такое единство правового порядка не означает нивелирования, так как «равенство допускает дифференцированный подход, если он в демократическом обществе является оправданным» (*пункт 4 части выводов решения Конституционного суда от 26 июня 2001 года по делу № 2001-02-0106*).

Конституционный суд, интерпретируя статью 91 Конституции, уже признал, что принцип равенства не позволяет государственным органам издавать нормы, которые без разумного основания допускают различное

отношение к лицам, находящимся в одинаковых и сопоставимых по определенным критериям условиях. Принцип равенства допускает и даже требует различного отношения к лицам, находящимся в различных условиях, а также допускает различное отношение к лицам, которые находятся в одинаковых условиях, если на то есть объективное и разумное основание (см., например, пункт 1 части выводов решения Конституционного суда от 3 апреля 2001 года по делу № 2000-07-0409 и пункт 5 решения Конституционного суда от 11 ноября 2005 года по делу № 2005-08-01). Для различного отношения нет объективного и разумного основания, если такое отношение не преследует легитимную цель или если отсутствует соразмерное соотношение между подобранными средствами и поставленными целями (см. пункт 3 части выводов решения Конституционного суда от 23 декабря 2002 года по делу № 2002-15-01).

Таким образом, чтобы оценить, соответствует ли оспариваемая норма принципу равенства, содержащемуся в первом предложении статьи 91 Конституции, необходимо выяснить следующее:

1) находятся ли какие-либо лица (группы лиц) в одинаковых и сопоставимых по определенным критериям условиях, и если находятся, то какие именно;

2) какое отношение к этим лицам предусматривает оспариваемая норма – равное или различное;

3) имеет ли такое отношение под собой объективное и разумное основание, то есть имеет ли оно легитимную цель, и соблюдается ли принцип соразмерности.

11. Заявитель указывает, что в одинаковых и сопоставимых условиях находятся все лица, которые имеют вклады в кредитном учреждении на момент наступления недоступности вкладов. С этим аргументом Заявителя согласна и Сэйма.

Определяющим в аспекте первого предложения статьи 91 Конституции является то, объединено ли несколько групп лиц общим важным признаком, относимым ко всем этим группам. В рассматриваемом деле существенно, что Заявитель имела вклады в кредитном учреждении на момент наступления в этом учреждении недоступности вкладов.

Таким образом, в одинаковых и сопоставимых условиях находятся член правления кредитного учреждения и другие лица, имевшие вклады в этом кредитном учреждении на момент наступления в нем недоступности вкладов.

12. Заявитель указывает, что оспариваемая норма предусматривает иное отношение к членам правления кредитного учреждения, так как они, в отличие от других вкладчиков, в случае недоступности вкладов лишены права на получение гарантированной компенсации. Саэйма также считает, что оспариваемая норма предусматривает отличающееся отношение к членам правления кредитного учреждения.

В соответствии с оспариваемой нормой, Заявитель не имеет права за свои вклады в банке Krājbanka получить гарантированную компенсацию из фонда гарантии вкладов. Таким образом, согласно статьям 192–194 Закона о кредитных учреждениях, ее право на возврат вложенных в банк Krājbanka средств определяется общим порядком удовлетворения требований кредиторов. Администратор указывает, что удовлетворение требований кредиторов будет зависеть от объема средств, возвращенных в рамках процедуры банкротства банка Krājbanka. Несмотря на то, что принимаются все возможные меры для удовлетворения заявленных и признанных требований кредиторов, Администратор предвидит, что объем средств, полученных в результате мер по возвращению активов, не даст возможности полностью покрыть все признанные требования кредиторов (*см. письмо Администратора от 17 апреля 2014 года № 06-3-2/341, стр. 136 материалов дела*).

Таким образом, различное отношение проявляется в том, что в случае недоступности вкладов члены правления кредитного учреждения лишены права на получение гарантированной компенсации из фонда гарантии вкладов.

13. Принять правовое регулирование, создающее различное отношение к взаимно сопоставимым группам лиц, законодатель может единственно в том случае, если такие действия оправдываются легитимной целью, которой необходимо достигнуть. В случае установления ограничений прав обязанность предъявить и обосновать легитимную цель таких ограничений в процессе Конституционного суда лежит в первую очередь на органе, который издал оспариваемый акт (*см., например, пункт 12 решения Конституционного суда от 1 ноября 2012 года по делу № 2012-06-01*).

Заявитель считает, что легитимная цель создаваемого оспариваемой нормой различного отношения – вызвать неблагоприятные имущественные последствия для лиц, которые поспособствовали наступлению неплатежеспособности кредитного учреждения. Сазйма также согласна с этим мнением Заявителя и указывает, что законодатель принял оспариваемую норму во избежание таких мер по защите вкладов, которые могут создать мотивацию для неправильного управления кредитным учреждением. Имеется в виду, что упомянутое регулирование может превентивно удерживать членов правления кредитного учреждения от действий, которые, возможно, неблагоприятно скажутся на платежеспособности кредитного учреждения.

Ассоциация также считает, что оспариваемая норма предусматривает ответственность члена правления кредитного учреждения в ситуации, когда у общества возникли убытки. Несмотря на то, что оспариваемая норма применяется не в качестве ответственности за конкретные убытки, она все же предусматривает для членов правления негативные имущественные последствия, которые проявляются в невыплате гарантированной компенсации (*см. мнение Ассоциации, стр. 154 материалов дела*).

Несколько приглашенных лиц указывает на другую легитимную цель различного отношения. Так, во мнении Комиссии упомянуто, что цель системы гарантии вкладов и оспариваемой нормы – не наказать лицо, а обеспечить стабильность финансовой системы государства и доверие общества к финансовой системе (*см. мнение Комиссии, стр. 118 материалов дела*). В свою очередь, Р. Энгелис указывает, что легитимная цель создаваемого оспариваемой нормой различного отношения – не предоставлять защиту тем вкладчикам, у которых, учитывая их знания и способность самим себя предохранить, нет большой необходимости в предусмотренной законодателем защите (*см. мнение Р. Энгелиса, стр. 131 материалов дела*).

Если бы оспариваемая норма была направлена исключительно на создание неблагоприятных имущественных последствий для членов правления кредитного учреждения, они имели бы возможность этих последствий избежать, например, вложив свои финансовые средства в любое другое кредитное учреждение. В таком случае оспариваемая норма не была бы эффективной в отношении указанной Сазьмой цели.

Можно согласиться с мнением Сазьмы, что решения и действия Заявителя как законного представителя банка Kŗājbanka имели значительное, возможно даже решающее влияние на управление упомянутым кредитным учреждением и на обеспечение его платежеспособности. Так, например, в сферу специальной ответственности Заявителя входил контроль за бухгалтерией банка, руководство и контроль за системами бухгалтерского учета и внутреннего надзора, планирование бюджета, руководство и контроль за его исполнением [*см. утвержденное на внеочередном заседании совета банка Kŗājbanka 7 февраля 2011 года (протокол № 2) распределение обязанностей среди членов правления банка Kŗājbanka, стр. 142 материалов дела*]. Предоставленная Комиссией информация также свидетельствует о том, что в компетенцию Заявителя как члена правления банка Kŗājbanka входил именно бухгалтерский учет банка. В свою очередь, одной из причин приостановления деятельности правления банка Kŗājbanka была подача

Комиссии заведомо вводящих в заблуждение финансовых отчетов (*см. мнение Комиссии, стр. 119 материалов дела*).

Тем не менее, регулирование оспариваемой нормы не следует оценивать как регулирование, направленное единственно на создание неблагоприятных финансовых последствий для членов правления кредитного учреждения за неправильное управление кредитным учреждением. Конституционный суд согласен с мнением Р. Энгелиса, который считает, что оспариваемая норма в целом имеет лишь небольшое ограничивающее влияние на имущественные интересы члена правления кредитного учреждения. Каждый член правления кредитного учреждения имеет право выбрать, держать ли ему свои денежные средства в кредитном учреждении, которым он сам управляет, или в любом другом кредитном учреждении, или же хранить или вкладывать их каким-либо иным образом (*см. мнение Р. Энгелиса, стр. 134 материалов дела*).

Чтобы выяснить, направлено ли создаваемое оспариваемой нормой различное отношение на достижение еще каких-либо иных легитимных целей, прежде всего необходимо определить, каковы общие цели системы гарантии вкладов. Важнейшие цели системы гарантии вкладов – это, во-первых, защита вкладчиков, для которых утрата вклада будет означать существенное ухудшение финансовой ситуации; во-вторых, уменьшение для вкладчиков необходимости постоянно следить за показателями платежеспособности и финансового состояния своего кредитного учреждения; в-третьих, предоставление вкладчикам быстрой и эффективной финансовой защиты в случае недоступности вкладов; в-четвертых, защита стабильности государственной финансовой системы и народного хозяйства в целом посредством снижения риска того, что финансовые затруднения одного кредитного учреждения приведут к массовой панике и изъятию вкладов из других кредитных учреждений (*см.: Wood P. R. Regulation of International Finance. London: Sweet & Maxwell, 2007, стр. 685*).

Учитывая упомянутые цели, законодатель вправе в правовых актах определить как круг лиц, которым надлежит предоставлять финансовую

защиту, так и размер подлежащей выплате компенсации и порядок ее назначения. Таким образом, законодатель вправе определить также то, что отдельные категории вкладчиков в случае недоступности вкладов финансовой защиты будут лишены.

Конституционный суд признал, что правовые акты Европейского Союза необходимо учитывать – настолько, насколько при этом не затрагиваются основные принципы Конституции – как при применении и интерпретации национальных нормативных актов, так и для предотвращения возможных противоречий между латвийским правом и правом Европейского Союза. При оценке содержания национальных правовых норм необходимо учитывать требования перенятых Латвией директив Европейского Союза (*см., например, пункт 25.4 решения Конституционного суда от 17 января 2008 года по делу № 2007-11-03 и пункт 13.3 решения Конституционного суда от 2 мая 2012 года по делу № 2011-17-03*). Так, например, нормы Директивы 94/19/ЕК, в которые не вносились поправки посредством Директивы 2009/14/ЕК, предусматривают, что государства-члены вправе не предусматривать защиту в форме гарантии вкладов для определенных групп лиц, если эти государства-члены считают, что у соответствующих групп лиц отсутствует необходимость в особой финансовой защите. Имеется в виду, что часть вторая статьи 7 и пункт 7 приложения I Директивы 94/19/ЕК предусматривают, что гарантию вкладов можно не относить, например, к директору, руководителю кредитного учреждения или его должностным лицам, несущим личную ответственность. Таким способом государство-член наделяется свободой действий по определению того, каким группам лиц не может быть предоставлена гарантия вкладов.

Посредством того, что определенным группам вкладчиков не предоставляется предусмотренная законом защита в случае неплатежеспособности кредитного учреждения, обеспечивается рациональное и экономное использование средств фонда гарантии вкладов. Кроме того, часть первая статьи 15 Закона о гарантии вкладов предусматривает: если в фонде

гарантии вкладов недостаточно средств для выплаты гарантированной компенсации, недостающие средства выделяются из государственного бюджета. Таким образом, оспариваемая норма может дополнительно быть направлена также на рациональное и экономное использование средств государственного бюджета.

После приостановления деятельности банка Kņājbanka в конце 2010 года необходимо было обеспечить приблизительно 335,6 миллиона латов (477,5 миллиона евро) для выплаты гарантированной компенсации клиентам кредитного учреждения. Однако в фонде гарантии вкладов на тот момент было накоплено всего около 149,9 миллиона латов (213 миллионов евро). По этой причине около 185,6 миллиона латов (264 миллионов евро) фонду гарантии вкладов одолжило Латвийское государство, то есть Государственная казна, из государственного бюджета (*см. стр. 22 и 23 отчета о работе Комиссии за 2011 год*).

Из упомянутого вытекает, что легитимной целью различного отношения, создаваемого оспариваемой нормой, является также обеспечение хозяйственного использования средств фонда гарантии вкладов и средств государственного бюджета и защита лиц, которым в финансовой сфере необходима особая защита со стороны государства.

Таким образом, оспариваемая норма защищает интересы благосостояния общества и права других лиц.

14. Констатировав легитимную цель различного отношения, необходимо оценить ее соответствие принципу соразмерности и, следовательно, выяснить:

во-первых, пригодны ли используемые законодателем средства для достижения легитимной цели, то есть, можно ли посредством оспариваемой нормы достигнуть легитимной цели ограничения;

во-вторых, являются ли такие действия необходимыми, то есть, нельзя ли достигнуть цели иными, в меньшей степени ограничивающими права и законные интересы лица средствами;

в-третьих, являются ли действия законодателя адекватными, то есть, превосходит ли польза, которую получает общество, ущерб, наносимый правам и законным интересам лица.

14.1. Предусмотренное оспариваемой нормой регулирование в случае недоступности вкладов лишает членов правления кредитного учреждения права на получение компенсации из фонда гарантии вкладов. В таком случае не нужно осуществлять выплату ни из фонда гарантии вкладов, ни из государственного бюджета. Следовательно, обеспечивается экономия финансовых средств, и они выплачиваются главным образом тем лицам, которым в финансовой сфере необходима особая защита со стороны государства.

Оспариваемая норма вступила в силу 20 июня 2009 года, а Комиссия приостановила полномочия правления банка Kŗājbanka 21 ноября 2011 года. В свою очередь, 22 ноября 2011 года Комиссия приняла решение, которым констатировалось, что в банке Kŗājbanka наступила недоступность вкладов. Таким образом, у Заявителя было достаточно времени для того, чтобы осознать правовые последствия, вызываемые оспариваемой нормой, и принять взвешенное решение о дальнейшем хранении своих финансовых средств в конкретном кредитном учреждении.

Следовательно, подобранные законодателем средства пригодны для достижения легитимной цели.

14.2. Установленное оспариваемой нормой ограничение прав необходимо, если не существует иных средств, которые были бы столь же действенны и при выборе которых основные права лиц ограничивались бы в меньшей степени. Оценивая то, можно ли достигнуть легитимной цели иначе, Конституционный суд подчеркивает, что более щадящее средство – это не любое другое средство, а лишь такое, при помощи которого легитимной цели можно достигнуть по крайней мере на том же качественном уровне. У Конституционного суда нет необходимости оценивать, насколько альтернативные решения лучше бы подошли для достижения легитимной цели

(см. пункт 19 части выводов решения Конституционного суда от 13 мая 2005 года по делу № 2004-18-0106 и пункт 22 решения Конституционного суда от 13 февраля 2009 года по делу № 2008-34-01).

Заявитель считает, что существует более щадящее средство, при помощи которого можно достигнуть легитимной цели и которое в меньшей степени ограничивает права лица, а именно – выплата дифференцированной компенсации в зависимости от степени вины каждого члена правления, констатированной вступившим в силу постановлением по уголовному делу.

14.2.1. Администратор, а также все приглашенные лица указывают, что предложенное Заявителем более щадящее средство нельзя считать средством, при помощи которого легитимной цели можно достигнуть так же эффективно, как при помощи оспариваемой нормы. Предложенное Заявителем решение, во-первых, противоречило бы смыслу и сути системы гарантии вкладов и, во-вторых, поставило бы под существенную угрозу один из основополагающих принципов коммерческого права – принцип солидарной ответственности членов правления.

Государство обязалось в случае неплатежеспособности кредитного учреждения выполнить обязательства этого кредитного учреждения перед его вкладчиками в определенном размере. Деятельность кредитных учреждений регулируется и контролируется Комиссией. Таким образом, государство создало правовое регулирование для защиты вкладчиков (кредиторов) кредитного учреждения, а именно схему гарантии вкладов, в рамках которой вкладчику выплачивается гарантированная компенсация, если он имеет на это право. Это правовое регулирование введено в действие в соответствии с Директивой 2009/14/ЕК от 11 марта 2009 года, вносящей изменения в Директиву 94/19/ЕК. Часть первая статьи 3 Закона о гарантии вкладов предусматривает, что одному вкладчику за размещенный в кредитном учреждении вклад гарантирована компенсация в размере гарантированного вклада, однако не более 100 000 евро. Согласно упомянутому регулированию, каждый размещенный в кредитном учреждении вклад на сумму до 100 000

евро в случае неплатежеспособности кредитного учреждения защищен, и возврат вклада в таком размере вкладчику гарантирован. Таким образом, законодатель, предусмотрев право на получение гарантированной компенсации, защитил право вкладчиков – кредиторов банка – на собственность.

В отличие от общих принципов неплатежеспособности, согласно которым первично защищается само неплатежеспособное предприятие, чтобы оно было в состоянии выполнить свои обязательства перед кредиторами, решения неплатежеспособности кредитных учреждений направлены на защиту вкладчиков, т. е. кредиторов особого типа. Деятельность кредитного учреждения всегда оценивается во взаимосвязи с ее возможным влиянием на весь финансовый сектор и народное хозяйство. Поэтому и на случай неплатежеспособности кредитного учреждения необходимо предусмотреть как можно более эффективное и своевременное решение, которое одновременно обеспечит стабильность сферы финансов и защиту интересов вкладчиков (см. пункты 13 и 15.2 решения Конституционного суда от 1 марта 2013 года по делу № 2012-07-01).

Одна из целей Закона о гарантии вкладов – создать систему, которая обеспечит вкладчикам возможность в случае недоступности вкладов получить гарантированную компенсацию в краткие сроки. Согласно части первой статьи 20¹ Закона о гарантии вкладов, гарантированная компенсация выплачивается в срок не более 20 рабочих дней со дня наступления недоступности вкладов. За столь короткий период ответственный орган – Комиссия – не имеет возможности достаточно детально оценить все причины недоступности вкладов и индивидуальную ответственность каждого члена правления, а также начать необходимые уголовно-процессуальные мероприятия по аресту финансовых средств. В ограниченный срок первичная задача Комиссии – как можно скорее выплатить гарантированную компенсацию в соответствии с информацией, уже содержащейся в бухгалтерских документах кредитного учреждения.

В аннотации к законопроекту, которым в Закон о гарантии вкладов была введена оспариваемая норма, подчеркивается, что как можно более своевременная выплата гарантированной компенсации из фонда гарантии вкладов будет способствовать уверенности вкладчиков в стабильности и безопасности государственной финансовой системы (см. аннотацию к законопроекту № 1177/Lp9 «Поправки к Закону о гарантии вкладов», поданному в Сазйму 20 апреля 2009 года). Европейская Комиссия схожим образом указала, что выплата гарантированной компенсации из фонда гарантии вкладов в семидневный срок уменьшит негативное влияние неплатежеспособности кредитного учреждения на общество, а также обеспечит то, что вкладчикам не потребуется использовать услуги государственной системы обеспечения социального благосостояния (см. пункт 3.2 пояснительного приложения к предложению Европейской Комиссии от 12 июля 2010 года по директиве о системах гарантии вкладов COM/2010/0368 final).

Таким образом, предложенное Заявителем решение поставило бы под угрозу право других вкладчиков кредитного учреждения на своевременную выплату им гарантированной компенсации из фонда гарантии вкладов.

14.2.2. Статьи 301 и 302 Коммерческого закона предусматривают, что правление ведает и управляет делами коммерческого общества только совместно и имуществом коммерческого общества также управляет и распоряжается совместно. Коммерческий закон не запрещает распределение компетенции правления среди членов правления. Однако распределение компетенции не освобождает члена правления от установленной законом обязанности управлять всей деятельностью общества, а лишь изменяет характер этой обязанности. Имеется в виду, что член правления самостоятельно разрешает вопросы, входящие в сферу его ответственности, и одновременно сотрудничает с остальными членами правления. Если у члена правления возникают обоснованные подозрения касательно противоправности действий других членов правления, он обязан реагировать соответствующим

образом. Член правления не может, ссылаясь на соглашение частноправового характера, уклоняться от определенной законом ответственности, даже если он взял на себя ответственность только за один круг вопросов, а решения по другим вопросам управления кредитным учреждением позволил принимать остальным членам правления.

Статья 169 Коммерческого закона определяет границы ответственности членов правления и совета коммерческого общества. Упомянутая статья предусматривает, что член правления как доверенное лицо участников коммерческого общества, т. е. лицо, которому доверено управление чужим имуществом, должен способствовать достижению целей общества – реализации экономических интересов его участников. Таким образом, член правления должен быть предан не только коммерческому обществу как самостоятельному субъекту права, но и экономическим интересам всех его участников, а также в соответствии с частью первой статьи 169 Коммерческого закона исполнять свои обязанности, как надлежит добросовестному и рачительному хозяину (*см. пункт 8.4 решения Департамента по гражданским делам Сената Верховного суда от 25 января 2012 года по делу № SKC-25/2012, решение опубликовано на www.at.gov.lv, просмотрено 4 июня 2014 года*).

Используемое в части первой статьи 169 Коммерческого закона понятие «добросовестный и рачительный хозяин» является общей клаузулой, из которой в зависимости от, например, размера коммерческого общества, вида коммерческой деятельности или ситуации на рынке должны образовываться конкретные должностные обязанности члена правления. Признаки добросовестного и рачительного хозяина формируются рядом объективных обязанностей, среди которых – обязанность соблюдать законы, уставы и решения собрания участников, обязанность быть лояльным и избегать принятия решений в ситуации конфликта интересов, а также обязанность на основании взвешенной информации принимать экономически обоснованные решения. Существенным критерием оценки правомерности деятельности

члена правления коммерческого общества является соответствие его действий целям деятельности конкретного коммерческого общества.

Член правления обязан постоянно быть осведомленным о финансовом положении коммерческого общества и контролировать это положение. Таким образом, ответственность члена правления сохраняется также в случаях, когда он оказался неспособен адекватно оценить финансовое положение коммерческого общества. Обязанность проявлять заботу добросовестного и рачительного хозяина является инструментом защиты интересов кредиторов, основная функция которого – обеспечить то, что коммерческое общество будет хорошо управляться и не дойдет до неплатежеспособности. Член правления не может оправдываться неспособностью выполнять свои должностные обязанности, так как он должен действовать так, чтобы его действия соответствовали принципам, регулирующим коммерческие отношения, коммерческой практике и господствующим представлениям о хорошем управлении коммерческим обществом.

Кроме того, части вторая и третья статьи 169 Коммерческого закона предусматривают: если член правления не может доказать, что индивидуально действовал как добросовестный и рачительный хозяин, он солидарно отвечает также за убытки, нанесенные другими членами правления. Таким образом, законодатель ввел презумпцию того, что все члены правления солидарно ответственны за управление коммерческим обществом, независимо от того, как среди них распределены обязанности по управлению. Даже в случае, если член правления не осуществляет функцию управления, на нем лежат все определенные законом обязанности, в том числе обязанность отвечать за убытки, нанесенные коммерческому обществу или третьим лицам.

Конституционный суд также указывает, что ответственность члена правления коммерческого общества за невыполнение обязанности добросовестного и рачительного хозяина может наступить вне связи с тем, констатирована ли его вина в причинении коммерческому обществу убытков вступившим в силу постановлением по уголовному делу. Иными словами,

вступившее в силу постановление по уголовному делу не является обязательной предпосылкой к тому, чтобы признать гражданско-правовую ответственность члена правления коммерческого общества за невыполнение определенных законом обязанностей добросовестного и рачительного хозяина.

В силу роли, которую кредитные учреждения играют в народном хозяйстве, все регулирование их деятельности и среди прочего особые требования, предъявляемые к членам правления кредитного учреждения, и предоставленное Комиссии право осуществлять надзор за деятельностью кредитного учреждения и в определенных случаях также влиять на нее, направлено на сохранение платежеспособности кредитного учреждения и финансовой стабильности. В основе деятельности кредитного учреждения лежит уверенность общества в безопасности предоставляемых им финансовых услуг, в его способности выполнять свои обязательства, сохранять доверенные ему активы и успешно управлять ими. Поэтому для каждого члена правления кредитного учреждения платежеспособность этого кредитного учреждения является самой важной задачей и целью деятельности.

Чтобы члены правления были способны успешно управлять таким крупным коммерческим обществом, как, например, кредитное учреждение, уровень их взаимного доверия должен быть высоким, и они должны в достаточной мере обмениваться информацией о деятельности коммерческого общества и принимаемых в нем решениях. Однако каждый член правления кредитного учреждения должен осознавать свою гражданско-правовую ответственность и непосредственную обязанность действовать как добросовестный и рачительный хозяин.

Таким образом, можно согласиться с мнением приглашенных лиц, что предложенная Заявителем альтернатива оспариваемой норме поставила бы под существенную угрозу также принцип солидарной ответственности членов правления кредитного учреждения.

Конституционный суд во время рассмотрения дела не констатировал других возможных альтернатив, которые бы в меньшей степени ущемляли основные права Заявителя.

Таким образом, не существует иных, более щадящих средств, при помощи которых легитимной цели различного отношения можно было бы достигнуть на том же качественном уровне.

14.3. Заявитель указывает, что не во всех случаях члены правления ответственны за наступление неплатежеспособности кредитного учреждения. Следовательно, создаваемое оспариваемой нормой различное отношение не обеспечивает никакой пользы другим лицам.

В свою очередь, Сазйма считает, что статус члена правления кредитного учреждения сам по себе может служить основанием для признания лица не подлежащим защите в случае недоступности вкладов.

Таким образом, Конституционному суду необходимо оценить, может ли статус члена правления кредитного учреждения служить основанием для того, чтобы соответствующие лица в случае недоступности вкладов были лишены права на получение компенсации из фонда гарантии вкладов.

14.4. Согласно части первой статьи 301 Коммерческого закона, правление является исполнительным органом общества капитала, осуществляющим две функции: управления и представительства. Управление представляет собой реализацию внутри общества мер по обеспечению деятельности этого общества, то есть хозяйственное и организационное руководство, направленное на достижение целей общества. В свою очередь, представительство – это репрезентация общества за его пределами, и, таким образом, к представительству относятся все дела, по которым общество вступает в отношения с третьим лицом (*см. пункт 14 решения Конституционного суда от 8 ноября 2012 года о прекращении судопроизводства по делу № 2012-04-03*).

Значимая роль правления в управлении кредитным учреждением вытекает также из Закона о кредитных учреждениях, нормы которого, в

противоположность нормам Коммерческого закона, подлежат применению как специальные нормы права. Так, в статье 24 Закона о кредитных учреждениях предусмотрены более строгие критерии, которые должны соблюдаться, чтобы лицо могло быть членом правления кредитного учреждения, например, наличие определенного образования, опыта и безупречной репутации. Согласно упомянутому регулированию закона, законодатель установил высокие требования и строгие ограничения для занятия должности члена правления кредитного учреждения, чтобы обеспечить то, что кредитным учреждением будут управлять лица, компетентные в вопросах финансов.

Из раздела XII нормативных правил Комиссии № 112 от 25 сентября 2009 года «Нормативные правила выдачи лицензий на деятельность кредитного учреждения и кредитно-сберегательного общества, получения отдельных разрешений, регламентирующих деятельность кредитных учреждений и кредитно-сберегательных обществ, согласования документов и предоставления информации» также вытекает, что до назначения лица на должность члена правления кредитного учреждения необходимо среди прочего удостовериться в его безупречной репутации и достаточной компетентности в вопросах финансового управления. Схожим образом пункты 32 и 34 рекомендаций Комиссии № 166 от 25 июля 2013 года «Рекомендации по оценке пригодности членов правления и совета и лиц, выполняющих основные функции» предусматривают, что при оценке пригодности членов правления как Комиссия, так и само кредитное учреждение должны учитывать знания, компетентность лица, а также его практический опыт управления коммерческими обществами.

Осуществляемая кредитными учреждениями коммерческая деятельность специфична среди прочего и потому, что кредитные учреждения распоряжаются доверенными им денежными средствами, которые они в форме вкладов получили от своих клиентов. Существенным элементом коммерческой деятельности кредитного учреждения также является соответствующее управление рисками, связанное с дальнейшим предоставлением этих денежных

средств в качестве займов другим лицам или другим финансовым рынкам. Так, например, часть третья статьи 8 Закона о кредитных учреждениях предусматривает обязанность правления и совета кредитного учреждения в письменной форме информировать Комиссию о всех обстоятельствах, в том числе о подозрительных и мошеннических сделках, которые могут существенно повлиять на стабильность и соответствие нормативным актам дальнейшего управления кредитным учреждением и дальнейшей деятельности этого учреждения или которые могут существенно угрожать репутации кредитного учреждения.

Презюмируется, что лица, занимающие в кредитном учреждении должность члена правления, обладают способностями и знаниями в сфере финансового управления и, следовательно, также способностью принимать адекватные решения в условиях рисков, характерных для коммерческой деятельности, которую ведут кредитные учреждения. Тем более обоснованным будет считать, что следует презюмировать и способность таких лиц знать о рисках в отношении управления их личными финансовыми средствами.

Таким образом, законодатель, ограничив право члена правления кредитного учреждения на получение гарантированной компенсации из фонда гарантии вкладов в случае недоступности вкладов, соблюл принцип равенства, содержащийся в первом предложении статьи 91 Конституции.

Постановляющая часть

На основании статей 30–32 Закона о Конституционном суде Конституционный суд

п о с т а н о в и л:

признать пункт 4 статьи 17 Закона о гарантии вкладов соответствующим первому предложению статьи 91 Конституции Латвийской Республики.

Решение окончательно и обжалованию не подлежит.

Решение вступает в силу в день его опубликования.

Председатель судебного заседания

А. Лавиньш